

Вы держите в руках книгу,
победившую в III сезоне.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
БЕЛОЙ ВОРОНЫ

Марья Малми

НА
МОЕМ
ЗЕЛЕНОМ
ЛИЦЕ
ВСЕ
НАПИ-
САНО

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2023

Этого никогда не происходило в действительности. А могло и произойти.

Почему Елена орет на меня? У нее несчастное лицо. Она трясет руками, тянет их ко мне. Почему она так орет? «Это как лиса! Она ведь тоже была живая! Вспомни лису! Лиса должна была жить!»

Кто живая? О чем это?!

Кажется, я что-то забыл. Кажется, я чего-то не знаю о себе. Что я тут делаю? В руках у меня та красная зажималка из отеля «Макао». Я щелкаю зажималкой. Елена орет еще отчаяннее.

В моих руках тряпка с красными маками. От нее несет растворителем. Она вспыхивает. Вспыхивают мои руки. Елена изо всех сил толкает меня в реку, я падаю.

Здесь неглубоко, но я все равно боюсь этой реки. Я встаю на ноги, мне тут примерно по пояс. Я пытаюсь объяснить Елене, что боюсь этой реки. Но она не слушает. Она топит меня, топит мои руки, пока они капитально не пропитываются рекой.

Тогда она достает меня, выводит на берег. Она говорит «дыши, дыши». Она обматывает мои руки мокрой тишоткой. Просто стягивает ее с меня не до конца и наматывает на руки. Я волокусь за ней как в наручниках. Это правильно. *«Я здесь удержан отчаяньем, воспоминаньем*

страшным, сознанием беззаконья моего»¹. Я преступник. Я чуть не убил мать.

*****

Труханули уже? Да ладно. Вообще-то она мне не мать. Если быть честным. И чтобы вам не так страшно было. А то я тут с такими заявочками.

Моя-то мама утонула. Которая настоящая. Которая из плоти и крови. Которая привезла меня сюда и бросила на берегу.

Она утонула. Мне было девять. А эта речная гадина просто пришла в нашу семью и заняла ее место.

Когда она пришла, мне было уже тринадцать, и я был один дома. «Один дома»* — как вам такое начало? Ах-ха-ха, нет, со мной ничего киношного произойти не могло. Я часто оставался один — у нас это было в порядке вещей.

Отец считал, что я уже взрослый и со мной ничего не случится, если предоставить меня самому себе. Это как игра: я виду не подавал, что понимаю, что отец закаляет мою волю. Ну а отец виду не подавал, что видит, что я это понимаю.

Волю! У нас говорят — «сису»². И Рупла ржет и советует «сжать сису в кулак». Наша фирменная шутка для

---

¹ Фраза из произведения «Пир во время чумы» (цикл «Маленькие трагедии») А. С. Пушкина. Здесь и далее курсивом отмечены цитаты из его произведений.

² Сису (финск. *sisu*) — одно из важных понятий для жителя Финляндии, которое включает в себя и выносливость, и надежность, и неизбежность того, что должно произойти.

посвященных. Не все говорят одинаково хорошо на русском и финском. Но кто говорит — ржет с нами.

Иногда так легче — поржать. Не говорить о чем-то главном. В свое время я немного напугал отца. Своим поведением. Но все давно позади, прошло уже четыре года.

Правда, до сих пор все носятся со мной, как с ранней малиной: не знают, с какого боку целовать, чтоб не примялась. Еще бы, «такая трагедия в семье». Никто не удивляется моим закидонам. Все сохраняют покерфейс, если мне приходит фантазия психануть. А психануть иногда жизненно необходимо. И если у тебя «такая трагедия в семье», надо же извлекать из этого хоть какие-то бонусы.

Правда, Рупла сразу меня раскусил. Его не проведешь. Он понял, что иногда я пользуюсь своим положением сиротки самым бессовестным образом. «Включаем депрессняк», — шепчет он и корчит сочувственную физию, укладывая мне руку на плечо. Нас тут же оставляют в покое. Забили на проект? Что ж, вопросы отпадают.

Что поделать — мы мерзавцы. Я люблю Руплу. Он все понимает.

Совсем иное дело, когда на меня и впрямь накатывает. Особенно если смотришь на воду. Отец старался перебороть это во мне. Сису, качаем сису! Он брал меня с собой в мёкки¹, где сам так любил рыбачить. Катал на лодке. Звал с собой плавать на мелководье. Пытался показать, что вода не опасна. Что она может стать другом.

Но после всей этой кутерьмы с поисками ее тела, с дурацким сном, когда мне раз за разом приходилось искать

---

¹ Мёкки (финск. *mökki*) — так называют дачу.

ее в реке, я больше воду не любил. Даже мылся редко. И плавать совсем перестал, тем более в нашей реке, где мы раньше взахлеб бултыхались с Руплой, взахлеб – в буквальном смысле.

Теперь я двигался в воде медленно и тяжело как марсоход. И все вокруг становилось медленным, как в том сне. Когда солнце отражается в каждой волне, а тебе надо смотреть сквозь эти слепящие блики. А на дне ты ничего не можешь разглядеть, кроме длинных водорослей, растущих на круглых, как головы, камнях. И эти волосатые камни покачиваются в такт солнечным бликам, и все вокруг тебя начинает плыть, а ты – наоборот. Ты с каждым шагом становишься все тяжелее и медленнее. Но должен идти вглубь, должен пристально вглядываться в эти водоросли, и в каждом камне тебе чудится ее голова. Но ты каждый раз ошибаешься. Это не она, это не она, это опять не она.

А она где-то прячется от тебя на дне, прозрачная и бесформенная, как ваза Аалто¹.

*****

Так что эта история началась в тот миг, когда я понял: убить тварь предстоит мне. До этого была не история, а просто моя жизнь.

Когда я впервые подумал эту мысль вот этими самыми словами, мне даже стало как-то легче. Будто бы приговор освободил меня. Освободил от бесконечных сомнений.

¹ Известный финский архитектор и дизайнер Алвар Аалто разработал дизайн вазы из стекла. Такая ваза есть почти в каждом финском доме.

Сомнения же наглухо забивали мое нутро. Как цемент вдыхаешь, и он там схватывается с мокрото́й, стынет и не дает дышать. Приходилось то и дело брать за пшик¹.

Я стал крутить это в голове. Искал оправданий. Типа я вынужден. «Я избран, чтоб его остановить». Ну раз меня никто не слушает. Раз только я знаю правду. И вот еще, вообще красава: должен найтись герой, который возьмет это на себя. И самое любимое, ага: кто-то же должен пожертвовать собой. Типа в реальности, где существует Доктор Манхэттен, должен быть и Озимэндиас². А моя реальность тогда была похлеще докторовой.

Когда-то Рупла учил меня произносить «но нииин» на все лады. Он взял это у Исмо из «Камеди». Есть тут такой клоун. Клянусь, Рупла делает это в стоициот раз смешнее. Он мечтает стать стендапером, и, я уверен, у него получится.

«Но нииин» – это типа «well, well, well» или как у нас «ну штош». Только ёмче. Здесь в этом «но нииин» бездна смыслов.

- Пора за дело.
- Все пропало!
- Вы тут чё?
- Мы, по ходу, облажались...
- Итак, к бою!

¹ Так наш герой называет лекарство, ингалятор для дыхания.

² Озимэндиас (герой книги произносит на английский манер) и Доктор Манхэттен – персонажи серии комиксов «Хранители». Озимандия – герой, который идет к цели, не считаясь со средствами. Берет на себя смелость жертвовать чужими жизнями ради всеобщего блага.

Все эти фразы. И еще сотня. Они переводятся именно так — «но ниин».

Мы с Руплой терли это «но ниин» до дыр. Мы затирали смысл. У нас прямо языки устали это повторять. И щеки устали смеяться. И челюсти уже не разевались прямо. А мы все повторяли.

Так и я стал повторять на все лады. Эту тварь мне придется убить. Эту тварь придется мне убить. Эту тварь придется убить мне.

И всё. Мне было уже не страшно. Смысл затерся. И щеки не болят. Ничего не болит. «Но ниин»! Решение принято. Осталось взять и сделать.

*****

От мамы у меня остался Пушкин и тряпка с маками, которую она на голову накручивала. Любую тряпку она умудрялась пристроить на себя таким образом, что хотелось немедленно к ней потянуться. Потрогать. Понюхать. Тряпку я прятал под подушкой. А Пушкина оставлял на столе.

Это старая книжка, обложка блестящая, как будто затянута букетной пленкой. На обложке зеленоватая женщина¹ со свечой в руке. Она стоит так, как будто чего-то боится. Или что-то ищет, оглядывается в темноте.

Я прочел книжку от первого до последнего слова, там не было и в помине женщины со свечой. Я прочел книжку, когда мама уже утонула. Я смотрел на зеленоватую

---

¹ Такой сборник произведений А. С. Пушкина существует в действительности. Издан в 1978 году Пермским книжным издательством.

женщину, и мне было важно разобраться, кто она, почему со свечой, почему на обложке, если ее на самом деле нет.

Но где-то там внутри была эта женщина со свечой. Она бродила по дому, она давала мне свет. «Раз она нарисована на обложке, значит, она есть», — думал я. И продолжал ее искать. Возможно, там внутри вообще много того, что с первого взгляда не увидишь. Возможно, там внутри ответы на все вопросы. И я читал книжку снова и снова.

Мне все казалось, что это такой загадочный механизм. Разгадаю его — и все узнаю. Про всю свою семью, про маму, про всех. Но чем дольше я читал, тем больше становилось загадок. То казалось, что это про меня. А потом — что это не про меня. И тогда охватывало отчаяние. Как будто Пушкин расставил капканы, и если я пройду, то мне откроется тайное знание. И я усиленно искал в книжке, искал сам не знаю что.

Не скажу, что я мало читаю. Постоянно в библиотеке беру. И приключения, и энциклопедии. На финском в основном. Но и на английском немного. А на русском читаю почему-то только эту.

Вот вам смешно, а Пушкин — мегамозг. Я отвечаю. Человек триста лет¹ назад жил, а пишет так, что сегодня пробирает. Вроде простые слова, понятные. Но как-то он хитро их выкручивает, что они как заклинания звучат. Все нездешнее какое-то. Кажется, вот еще немного прочитаешь, и какая-то тайна тебе откроется. Ощущение, что отрываешься от земли. Ног не чуешь. Космос!

---

¹ Герой книги ошибается в своих подсчетах.

А его не ценят. Обидно же. Вообще никто не читает его у нас. У кого ни спрошу. Вот чё людям надо?! Всюду у них Шекспир. Один Шекспир. Как будто других авторов нет. Кто в топ поднялся — тут же подавай им Шекспира. Вон Камбербэтч Шерлока изобразил — и туда же. Давай скорей гамлетов играть. А ты побудь оригинальным, возьми сыграй Пушкина. Чем плох? Это тот же Шекспир, я вам скажу. Только новый. Потому что его никто не знает.

Возьми Моцарта сыграй! Или Председателя¹. Слабо? Я его миру открою еще, вот увидите. А что? Это вам не «йап-цок-цок, тыры-дыц-тан-тулла». Вот, кстати, хороший пример. Всего-то народная финская песня, а «Лбйтума» ее спели — и она везде. Если у тебя есть гаджет, хоть самый отстойный, в нем будет «Полька Евы». А может, я Пушкина так спою, что вы про «польку» забудете.

А то один Шекспир везде. Вы его пробовали хоть читать? Там же ни слова не разобрать, если без перевода. А Пушкин — как вчера написано. Только, конечно, у него нет этих наших нехороших слов. Которыми разговариваем мы с Руплой. Хотя... вдруг Пушкин побольше нашего таких слов знал? Он же писатель все-таки. Может, он сам их придумывал, а мы не в курсе. Как думаете, стремно культурному человеку вроде Пушкина такое знать? Теперь не проверишь. В тикток свою гениальную лабуду тогда не стримили.

*****

Книжка у мамы была всего одна. А вещей — целый шкаф. Но я никогда не лез в него, чтобы поискать

¹ Моцарт, Председатель — персонажи «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина.

что-то ценное для себя — ни при ее жизни, ни после ее исчезновения.

В детстве мне нравилось смотреть, как она распаивает створки, заглядывает внутрь, подкручивается на цыпочках от нетерпения. Выуживает подходящее, поднимает волны цветочных запахов. Прикладывает к себе.

Пока она копалась в шкафу, меня не покидало ощущение, что она шушукается с кем-то, кто сидит внутри и советуется ей, как жить. Это был волшебный, не мой мир. Там совершенно точно не мог оказаться закатившийся грузовик или плюшевый кот с длинными унылыми усами, которого я раньше любил класть с собой в кровать. Там совершенно точно не было места и мне.

— Поиграй со мной, — иногда просил я, надеясь, что сегодня чудо произойдет.

Но она только смеялась и теребила меня, подсовывала конструкторы и динозавров.

— Как же я поиграю с тобой, Симочка? Поиграй сам. Я ведь не умею. Я же взрослая.

И она устраивалась неподалеку, перебирала быстрыми пальцами в телефоне, листала, клацала. Взрослых всегда оправдывает то, что они взрослые.

Я просто так ее просил. Мне давно не нужен был помощник в играх, я был вполне самостоятельным. Как здесь говорят, быстро адаптировался. Чего, кстати, нельзя было сказать о ней самой.

Переехав сюда, мы поначалу все разглядывали. Просто ходили и разглядывали чужую жизнь, открыв рты. Отец нас всюду возил, когда был не на работе. Показывал страну, как будто создал ее своими руками. Все

объяснял. Только мы не понимали ничего. Он переходил на английский для мамы. А со мной придумал руками показывать. Мы с ним сразу наладили общение. Он показывает и произносит. Показывает и произносит. А я повторял. Это ведь несложно.

А мама не повторяла. Ей это казалось детской игрой и бесило. Ведь она была взрослая, которая не умеет играть в детские игры. Мама быстро с нами заскучала. Я не видел, но знал, что она плачет в комнате.

С отцом они разговаривали или на английском, или тыкая пальцами в планшет. Мне тоже почти сразу купили планшет. И туда отец закачал игру, в которой были картинки и слова со звуком. Ничего сложного!

Когда я пошел в Эскар¹, то уже вполне сносно мог объяснить, чего хочу. А хотел я — все! Мне тут все нравилось. Перед этим я ходил в детский сад. Мне оставался всего год, в шесть уже в Эскар зачисляют. Мама спорила с отцом, говорила, что ей все равно делать нечего и я могу не ходить в сад. Но отец настоял. Мне это очень с финским помогло, кстати. А то сидел бы в школе ни бе ни ме.

Я смеялся, что мы с ней вместе ходим учиться. Я в школу, а она — на курсы. Но потом я понял, что она на это обижается. На то, что мы вровень. А она ведь старше. Наверное, ей было это неприятно. Поэтому я больше не смеялся. И отцу показал, что не надо смеяться. Хотя он над этим и не смеялся. Просто она не понимала разницы. Он смеялся, потому что был счастлив, когда смотрел на нее.

---

¹ Так называют начальную школу, в которую идут с шести лет.

Мама из-за этих курсов стала занятой и сердитой. Забиралась на кровать, обложившись красивыми цветными тетрадами, грызла карандаш. Когда у нее не получалось, она бросала тетради и книги на пол. Отец осторожно прижимал к своей широкой груди ее голову, укачивал, ласково говорил с ней.

— Я люблю тебя любую, — говорил он.

— Все получится, — говорил он.

— Потихонечку, — говорил он.

Уже тогда я понимал, что он ей говорит. А вот она не понимала.

*****

Хорошо, что вскоре у меня появился Рупла. Он старше меня всего на полгода. Но цифры тут не имеют значения. Просто он — старше. И он никогда не даст мне об этом забыть. Может, потому что у него есть взрослые брат и сестра и он им подражает изо всех сил. Или потому, что он родился в Финляндии, а я только приехал.

Мы с ним познакомились на нашей улице. И дружим с той поры. Даже решили не заводить себе жен, чтобы они дружить не мешали. Рупла сказал, что вместо жены заведет чау-чау с синим языком и ему хватит счастья на всю жизнь. Но это мы решили, когда были совсем одуваны.

Как мне повезло, что он оказался в нашем районе! Даже не знаю, что бы я без него делал. Я люблю Руплу.

Мы тогда с мамой шли из сада домой, и я допытывался, есть ли дома мороженое. И тут нас обгоняет крутой пацан на самокате. Рассекает — волосы по ветру. А у него кудри всегда были будь здоров. И так он, и эдак

оглядывается на меня, и чуть ли не язык показывает. Ну и я ему показал. Не навернись типа. С мамой за руку когда вышагиваешь — чего ж язык не показать? Он укатил.

Подходим к дому, гляжу — стоит у наших ворот, в носу ковыряет. И говорит на чистом русском:

— Вы тут живете?

И глаза такие недобрые мне скроил, что сразу ясно, сейчас я огребу за свой язык.

Мама обрадовалась как ненормальная.

— Сима! Ты посмотри, какой тут друг тебе нашелся. Ну-ка, подружись с мальчиком. Поиграйте во что-нибудь.

И бац — оставляет меня за воротами, и сама домой, вся счастливая. Как будто это в нашем Соломенном происходит, где все друг друга знают. А не в неизвестной местности чужой страны. Ну Ёга-баба. Стою такой, в ожидании пенделей. Пацан ты-дыч меня локтем в бок:

— Ты тут чё?

Только с другим словом — нехорошим. В нашем Соломенном мы выучили все нехорошие слова. Только нам их произносить не разрешали. А этот вдруг раз — и произнес. Причем, он всего одним словом спросил сразу обо всем: и о причинах моего появления в этом районе, и о том, надолго ли я предполагаю здесь задержаться, и о правомочности демонстрации моего языка.

Я был в восторге. До той поры я ни разу не слышал, чтобы одно слово вмещало столь множественный смысл. Восхитительная краткая непристойность. А пацан ждал ответа. Мне предстояло многое ему рассказать, если он, конечно, хотел, чтобы я точно ответил на все поставленные вопросы. И я ответил:

— А тебе-то чё?

С тем самым нехорошим словом.

— Ты не так говоришь! Дай я тебя научу, — сказал он.

И мы подружились.

*****

Спустя время я узнал, что тут вся местная школота любой разговор начинает с нехорошего слова. Потом это куда-то девается, когда они становятся людьми. Наверное, когда все можно, уже не так интересно ругаться. Но здесь нехорошие слова — нашим не чета. Это как если с изюма в шоколаде смыть шоколад: смысл вроде тот же, а вкуса никакого.

То ли дело обороты, которым меня подучил Рупла. Вообще, все самое крутое, что есть у меня в голове, — это от него. И немного от Пушкина. Но именно Рупла научил меня настоящему русскому языку. Он каждое лето ездит к родичам в Россию и привозит оттуда самый смак. Слова. И селедкупряного посола.

Он объяснил мне «полюбас» и «ништjak». Про то, что «ни финты» и «не финти» — это разные вещи. И «порожняк» с «паровозом» не одно и то же. Вот кто бы мне тут это объяснил? Тут меня учат, как правильно писать «собаку» и «корову».

А язык ведь у нас — широких возможностей. Как шестиполосное движение. Вот куда мне эта «корова», когда есть «ничоси». Рупла объяснил, что значит «шухер» и «достача». Он объяснил «забей», «зависон», «туса» и «втыкатели». Он говорит «заводи шарманку», когда я жму enter на клавише.

Не знаю, что бы я делал без Руплы. Как бы я без него узнал, что у нас такой широкий язык? Как бы я узнал

про «завали хлебало» или «дать в щи»? Эти «щи» особенно меня порадовали. Ведь они породнили наши языки! В финском же «касвот»¹ — моникко. В смысле существительное множественного числа. Мне это поначалу странно было. Неудобно как-то. Но я как про «щи» услышал, сразу свыкся с нашим «касвот». Когда говорю Рупле за столом: «Чё сёдня у тебя такие кислые щи?» — прямо свечусь от счастья. Это называется каламбур. Я такое обожаю.

Кто любит селедку пряного посола, тот меня поймет. То самое место, у ребер, где горчит, откуда только что вынуты кишки с жирком, с гнильцой этой вот вкусняцкой. Зубами кости закусишь и тянешь слюни в себя, чтобы остался вкус во рту наподольше. Вот так же наш язык. Скажешь что-нибудь заковыристое, а то и сам выдумаешь — и такая радость во рту, как селедки поел. Раз сказал гадкое словцо — все, уже не соскочишь, так и тянет сказать снова.

В финской селедке соль да сахар. Ну еще морковь. А Руплины родители возят банки, где рыбы целиком, с костями, головами. Как они там не гниют в этой бурде? Какие-то гениальные люди эту селедку делают. Их, небось, в школе «коровами» не мучали.

*****

Вообще-то, Рупла — он Санча. Александр Шершеневич. Не повезло — так не повезло. Угадайте с трех раз, кто тут может с ходу выговорить его фамилию? Спойлер: никто.

Если новый препода приходит знакомиться, все сидят в предвкушении спектакля. Если препода опытный, он по

¹ Касвот (финск. kasvot) — лицо. Моникко (финск. monikko) — множественное число в грамматике.

нашему настроению сразу чует: в чем-то тут подвох. И на фамилии Руплы Shertshenevitch он начинает понимать, где собака порылась. Но уже поздно. Надо произносить. И препода начинает щурить глаза и пыжиться. И тут встает Рупла и передразнивает. Устраивает зубодробительную газовую атаку — только ртом. Он мастерски научился воспроизводить такие звуки. Уровень — бог.

— Эпф-эпф-фрстррррр-пффф! Да, это я, Санча Шершеневич.

Он выговаривает шипящие на иностранный манер. Все в покатуху. Вот что мне нравится в Рупле — он вообще без башки. Легко может оборжать себя. Но попробовал бы кто другой!

А Рупла еще и заявил в школе, чтобы звали его не Саша, не Александр, не Сантери. А Санча. Хочу типа, и все. Такое мое имя. Во садист! Преподы давятся, но называют. С причмоком в конце. Как будто кинуски¹ с нёба отдирают.

То, что мы зовем его Рупла², получилось случайно. Но закономерно. Как-то раз, в самом начале знакомства, он спросил:

— Есть баблишко?

Я не понял сначала.

— Лавэха! Чёнтъ на кармане водится?

— Ты — деньги?

— Ну да. «Гони рубль, родственник!»³

Я выудил не без гордости две монеты по два эуро⁴.

¹ Кинуски — сливочная конфета, похожая на ириску, тянучку.

² Рупла (финск. rupla) — рубль.

³ Фраза из советского фильма «Афоня» 1975 года.

⁴ Сима произносит название «евро» на финский манер.

— О! Живем, — обрадовался он. — Я знаю ларек, где конусы по рупь семьдесят.

Надо же, подумал тогда я, тут есть какие-то лавки с русскими деньгами. В деньгах я неплохо к тому времени разбирался. Отец показал. Мне нравилось разглядывать на купюрах эти порталы, входы в замки, окна в храмах. И картинки на монетах: острова, гуси, ягоды, лев с саблей. Я знал, что в России другие деньги. И вдруг такое заявление.

Мы двинули в эту лавку в торце одного из домов. Но это был обычный эстонский магазинчик, где съестное как в России, а цены — как у всех — в эуро. Просто Рупла всегда называет в рублях. Так говорят в его семье. Они знают, как правильно, и если говорят по-фински, то всегда правильно. Но между собой — в рублях. Привычка. Типа: «Сегодня томаты в „Лидле“ по рупь пятьдесят». Ну сами подумайте, в эту фразу эуро вообще не ложатся. Дичь выйдет.

С той фразы я стал звать его Рупла.

*****

С Руплой я здесь быстро освоился. Больше мне не нужно было ходить повсюду с родителями за ручку. Все, что нужно было знать для выживания, — знал Рупла. Мне оставалось только его слушаться. В школе я ни за что бы не занял такие нехилые позиции, если бы не он. Нас в школе не прессуют. Вообще. Никто. После одной истории.

Мы тогда только из началки перешли в среднюю. Понятное дело, всех проверяли на шивость. Были там парни, которые мимо рта не проносили ни одного из младших. Ко всем с предъявами подъезжали.

Дошла очередь и до нас. Мы собирались домой, Рупла вытащил длинный «сникерс». Нас окружили и спросили, не дерзкие ли мы и с какого района. Примерно, если в переводе. Самый крутой из них выхватил у Руплы «сникерс».

— Ты не возражаешь?

И зачавкал ему прямо в ухо.

— Конечно, угощайся, — невозмутимо ответил Рупла. — Ничего, что я на него пукнул?

— Что? — у парня челюсть отвисла.

— Не знал, что ты такое любишь. Я ж пошел отлить, а там «сникерс». В толчке. Я просто вытащил его. Боялся, что будет засор, то-сё. Вот и вытащил.

В могильной тишине раздались смешки.

— Я сам такое не ем. Брезгую. Нес в урну. Но если нашелся любитель... Я могу еще парочку специально для тебя обоссать. Что скажешь?

Вломили нам тогда по-черному. Нас всего двое было, победить мы просто не могли. Но мы победили. К нам больше никто никогда не цеплялся. Никому не хотелось чувствовать у себя во рту вкус мочи. Уж Рупла пошутит так, что ты об этом не забудешь.

А если кто-то из своих пытался обозвать Руплу жиробасом, то тут в дело вступал я. Хотя Рупла мне еще в детстве объяснил, что он всегда будет для других жиробас, а я — дохляк. И с этим ничего не поделать. За это бесполезно драться, потому что это правда. Но мы все равно иногда дрались.

Отец дома читал мне проповеди. Мол, решать проблемы нужно словами, а не кулаками. Хотя сам честно признал, что за своего лучшего друга Пюрю врезал бы.